

Ветер пронёсся, и все присутствующие, кроме невозмутимого Цзи Хэцзюня, нахмурились: прежде чистая земля, где не было ничего, кроме почвы, опавших листьев и веток, в одно мгновение покрылась чёрным рисом. Его шелест вызывал мурашки.

— Что за чёртовщина? — Четвёртый глава Крепости Серпа, вспыльчивый, тут же выпалил грубый вопрос, хотя и не осмелился двинуться.

— Ха-ха-ха, я сказал, что представлю вам двух важных гостей. Один из них уже появился.

Четвёртый глава, услышав это, огляделся и заметил на дереве силуэт — бесшумный и неприметный. Не напусти Ци Гэ, он бы его и не увидел.

И как только он его увидел, то воскликнул:

— Цилинь, Хранящий Яшму!

Обнаружив себя, Вэнь Кэ легко спрыгнул с дерева и твёрдо встал за спиной Цзи Хэцзюня. В тот же миг взгляды всех присутствующих устремились на него.

— Ха-ха-ха, какой редкий гость! — Вангун Сян с шумом открыл веер и громко рассмеялся, в его голосе звучал скрытый смысл.

Услышав это, Вэнь Кэ бросил на него взгляд, но промолчал.

— Правый посланник Скрытой Крови, объясни.

Говорил самый необычный из Собрании Диких Клинков — Клинок Одинокого Дождя. Внешность его была невзрачной: волосы растрёпаны, кожа цвета старой меди, обветренная и в шрамах. На теле — рваная одежда, перехваченная верёвкой, на поясе — два клинка, за спиной — ещё три. На шее — длинный шрам, глаза закрыты.

Он стоял, скрестив руки на груди, слегка опустив голову. Голос был грубым и глубоким.

Ци Гэ рассмеялся несколько раз:

— Не торопитесь, есть ещё один. Увидев его, вы всё поймёте.

Его слова ещё не успели прозвучать, как раздался негромкий, но ясный звук шагов.

— Тук, тук, тук...

Все повернулись к источнику звука и увидели женщину в белом, идущую с улыбкой. На её поясе висел алый меч, а ветер развеивал ленту в её волосах.

Сама по себе она не была чем-то необычным, но все присутствующие, кроме Вангун Сяна и четвёртого главы, изменились в лице.

— Наньцзин... Цичжан... — прошептал второй глава Крепости Серпа, и холодный пот заструился по его спине.

— Ха-ха-ха, я тоже не ожидал, что в Наньцзин и Цичжан ещё остались люди! Несомненно, это великое счастье для нашего еретического пути!

Сказав это, Ци Гэ встал, сделал шаг назад, затем поклонился, встал на одно колено, сложил

руки перед грудью, прижав кулак ко лбу, — это был великий поклон среди еретиков.

— От имени главы Башни Скрытой Крови я заявляю: с этого дня Башня Скрытой Крови будет следовать за наследницей Наньцзин, не щадя своей жизни!

Этот поступок поставил остальных в затруднительное положение. Теперь, когда перед ними стоял наследник Цичжан со своими гу, а Башня Скрытой Крови публично заявила о своей преданности, им нужно было срочно что-то сделать, иначе они упустят возможность.

Первым двинулся Цзи Хэцзюнь из Зала Лиши. Этот человек, обладавший красивым лицом, любил накладывать косметику, а его одежда, пёстрая, как бабочка, вместе с крепким телосложением делала его похожим на расписной фарфор.

Он повторил жест Ци Гэ, поклонившись человеку в белом, и произнёс слова преданности тонким, почти женским голосом.

Когда второй, с кем было трудно справиться, подчинился, остальные не посмели ослушаться. И вскоре, кроме всегда беззаботного представителя Павильона Фэнлан и Вэнь Кэ, все опустились на колени, ожидая приказов наследницы Наньцзин.

А наследницей Наньцзин, конечно же, была Бай Цин.

Несколько дней назад на горе Пера Феникса Бай Цин и Вэнь Кэ были окружены людьми Ци Гэ и уже готовились к смерти. Но этот человек, произнеся грозные слова, вдруг опустился на колени и заговорил о признании её своей госпожой, а затем рассказал ей, кто она на самом деле.

На самом деле Бай Цин уже догадывалась об этом, так что не была удивлена. Но, найдя свои «корни», она не смогла обрадоваться — даже почувствовала сожаление.

Потому что она уже не могла вернуться. Да и не должна была.

— Встаньте. Я благодарна вам за то, что вы по-прежнему почитаете Наньцзин. С этого дня я... Наньцзин Кэ, буду вместе с вами объединять еретический путь и восстанавливать его былую славу.

Конечно, это были лишь речи для вида. Все присутствующие знали, что эта наследница Наньцзин — всего лишь «марионетка». Они и не предполагали, что Башня Скрытой Крови пойдёт на такой шаг.

До этого эти школы имели в еретическом мире примерно равный вес. Но с появлением Наньцзин они и рядом не стояли. Даже спустя двадцать лет большинство еретиков всё ещё почитали Наньцзин, даже обожествляли.

Поэтому, как бы они ни были недовольны, внешне они должны были проявлять уважение к Наньцзин.

— Мы будем следовать вашим указаниям!

— Тогда... — Бай Цин улыбнулась, её голос был спокоен. — Как новый лидер еретиков, я хочу поделиться с вами, со всеми последователями еретического пути, великим благом...

Эти слова вызвали недоумение.

И когда они задумались, Бай Цин медленно раскрыла великий секрет, касающийся пути к бессмертию, а именно:

— Духовную шкатулку Цзинцзюнь.

На южной стороне Пика Фэймэй стоял небольшой старинный дом, окружённый изгородью. Внутри изгороди росла слива, окружённая цветами и кустарниками, а напротив лежал маленький пруд.

Полночь.

Девушка сидела у пруда, глядя на плавающих рыб, погружённая в свои мысли.

Вода, несущая лунный свет, отражала её образ. Будь она одушевлённой, сказала бы: «Облик её прекрасен, дух нежен, как орхидея; стань изящна, словно яшма».

Внезапно прохладный ветерок взметнул её шёлковые волосы.

Лянь Цзялэ, сидевшая у пруда и унесшаяся в свои мысли, вернулась к реальности и подняла взгляд, заметив у ворот четыре силуэта.

Она тут же улыбнулась, встала и сделала шаг вперёд, произнеся:

— Папочка~

Голос её звучал, как пение соловья.

Подойдя к четвёрке, она встретила взгляд Лянь Хэнсина и с улыбкой сказала:

— Осенний ветер одинок, но знают ли ушедшие, что их помнят родные?

— Падающие цветы и листья — как не знать, что свет из окна проникает сквозь свечу. — Лянь Хэнсин улыбнулся и похлопал свою «жемчужину» по голове.

Раздалось лёгкое фырканье, но на лице Лянь Цзялэ не было и тени недовольства. Она лишь слегка перевела взгляд на человека рядом с отцом.

Там стоял великан, зажав под мышкой юношу, который не двигался, словно без сознания. Рядом стоял человек, весь в ранах, с крайне плохим цветом лица и свирепым видом.

— Мой дорогой папочка, вы снова за старое? — Она знала, что Лянь Хэнсин не раз подбирал несчастных, и решила, что он опять пустился в благородное разбойничество («похищение» людей) из доброты душевной.

Услышав это, Лянь Хэнсин рассмеялся:

— Я уже стар, у меня нет ни времени, ни сил на такие дела. Эти молодые люди просто оказались рядом, когда я занимался своими делами.

— Вы слишком скромны, но ладно~ Нужна ли помощь вашей очень свободной дочери? — Она имела в виду заботу об этих людях, выглядевших так жалко.